

УДК 81 33

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-40-52

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА НОРМАТИВНОГО ТИПА ИСПАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ларионова М. В., Фокина А. Д.

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

Аннотация

Цель статьи состоит в изучении когнитивно-семантических механизмов формирования значений юридических терминов и выявлении инвариантности их концептуальных доминант как условия обеспечения сопоставимости понятий при переводе.

Процедура и методы. Используются методы сравнительно-сопоставительного, семантического, контекстуального, интерпретативного и дискурс-анализа, обеспечивающие соблюдение логического закона тождества и недопущения смысловых ошибок при проведении когнитивно-семантических исследований терминологии в сравнительном правоведении.

Результаты. Рассмотрены различные подходы к переводу ряда испанских терминов, которые имеют аналоги в наследственном праве России, но требуют уточнения ввиду их полисемии – *sucesión* и *herencia*, а также безэквивалентных терминов, характерных для наследственного права Испании – *colación* и *mejora* и однокоренных слов.

Теоретическая и практическая значимость. В контексте возрастающего интереса к сравнительно-правовым исследованиям в статье рассматриваются трудности толкования и перевода правовых терминов юридического дискурса, обусловленные полисемией, синонимией, а также безэквивалентностью терминов в различных языках. Предложены логические и дискурсивные алгоритмы перевода, позволяющие соотнести семантический объём понятий, выражаемых профессиональными терминами испанского и русского юридического дискурса, для их адекватной интерпретации, исключающей возможные искажения или смысловую неопределённость.

Ключевые слова: испанский язык, нормативный дискурс, термин, юридический дискурс, юридический перевод, юридическая терминология

DIFFICULTIES OF TERMINOLOGY TRANSLATION IN THE CONTEXT OF ANALYZING THE NORMATIVE TYPE OF SPANISH LEGAL DISCOURSE

M. Larionova, A. Fokina

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation (MGIMO University)
prospekt Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the cognitive-semantic mechanisms of forming the meanings of legal terms and to reveal the invariance of their conceptual dominants as a condition for ensuring the comparability of concepts when translating.

Methodology. The methods of comparative, semantic, contextual, interpretive and discourse analysis are used in order to ensure compliance with the logical law of identity and to avoid semantic errors when conducting cognitive and semantic studies of terminology in comparative jurisprudence.

Results. The article considers different approaches to the translation of Spanish terms that have analogues in Russian inheritance law, but require clarification due to their polysemy – *sucesión* and *herencia*, as well as non-equivalent terms characteristic of Spanish inheritance law – *colación* and *mejora* and their derivatives.

Research implications. In the context of growing interest in comparative legal research, the article focuses on the difficulties of interpretation and translation of legal terms in legal discourse due to polysemy, synonymy, as well as non-equivalence of terms in different languages. Logical and discursive algorithms of translation are proposed, allowing to correlate the semantic volume of concepts expressed by professional terms of Spanish and Russian legal discourse for their adequate interpretation, excluding possible distortions or semantic uncertainty.

Keywords: juridical terminology, juridical translation, legal discourse, normative discourse, Spanish language, term

Введение

Проблемы, возникающие при переводе юридических текстов, обусловлены необходимостью правильного толкования иностранных правовых понятий и поиском наиболее точного термина, используемого в языке, на который осуществляется перевод, с целью избежать возможных искажений или смысловой неопределённости. Качественный перевод, критериями которого являются адекватность, эквивалентность, равноценность и инвариантность (в рамках достижимого), требует исследования семантики переводимого термина в юридическом дискурсе, анализ которого начинается с законодательства. Конечным результатом указанного процесса должен стать оптимальный перевод, который обеспечит создание если не тождественного, то по меньшей мере коммуникативно равноценного переводного текста, позволяющего передать смысл исходного текста русскоговорящему реципиенту, обладающему надлежащими правовыми познаниями и зачастую не владеющему испанским языком. Справедливо утверждается, что оптимальный перевод исходного текста не абсолютен, а существует исключительно для конкретных получателей, целей, в конкретной ситуации перевода и исторической обстановке [4, с. 69]. Это доказывает необходимость и особую важность

анализа прагматики дискурса как среды функционирования терминологии, которая детерминруется релевантными когнитивными, интенциональными, прагматическими и экстралингвистическими условиями, репрезентирующими тот или иной вид социальной практики и образующими коммуникативную ситуацию, а также собственно референтом дискурсивного послания.

Проблемы юридического перевода обусловлены прежде всего его междисциплинарным характером: он находится на стыке таких дисциплин, как лингвистика, юриспруденция и переводоведение. При переводе терминов, вызывающих трудности, переводчик осуществляет сравнительно-сопоставительный анализ правовых систем, учитывая историю, традиции, культуру, особенности менталитета и языка [3, с. 12].

Специфика юридического перевода позволяет выделить следующие основные *трудности*, с которыми сталкивается переводчик при переводе юридических текстов с испанского языка на русский и которые, как будет показано далее, могут эффективно разрешаться с применением метода дискурс-анализа:

- необходимость обеспечения исключительной точности, эквивалентности перевода юридических терминов, в особенности при переводе нормативно-

правовых актов и документов, которые могут использоваться юристами, не владеющими испанским языком, при рассмотрении дела судом, где интерпретационные ошибки недопустимы;

– различия в лингвистической традиции использования в двух языках одного и того же термина, который может иметь несколько вариантов перевода не только в рамках одной отрасли права, но и в рамках одного и того же нормативно-правового акта;

– полисемия терминов и зачастую избыточная синонимия как два взаимосвязанных и антонимических феномена, свойственные испанскому юридическому языку в целом, требуют в каждом случае контекстного, дискурсивного анализа терминологических единиц;

– недостаточность и несовершенство имеющихся специализированных словарных изданий и научных статей по праву Испании.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью поиска адекватного решения указанных проблем и возрастающим интересом к сравнительно-правовым исследованиям российских юристов, которые сталкиваются с такими обстоятельствами, как немногочисленность и фрагментарность русскоязычных источников по указанной тематике, неточность и ошибочность перевода на русский язык ряда испанских юридических терминов. Это негативно сказывается на качестве восприятия переводных текстов русскоговорящими правоведами, не владеющими испанским языком и не имеющими возможности обратиться к исходному тексту. Именно адекватность перевода юридических терминов, используемых в законодательстве Испании, достигаемая за счёт инвариантности концептуальных доминант исходного и переводного текста, является необходимым условием обеспечения сопоставимости понятий, соблюдения логического закона тождества и недопущения смысловых ошибок при проведении

сравнительно-правовых исследований, конечной целью которых является поиск путей дальнейшего совершенствования российского законодательства.

Цель исследования – раскрыть когнитивно-семантические механизмы формирования значений юридических терминов, предложить дискурсивный алгоритм, позволяющий соотнести семантический объём понятий, выражаемых профессиональными терминами испанского и русского юридического дискурса, для их адекватного перевода.

Особенности юридического дискурса в контексте юридического перевода

Юридический дискурс традиционно относится к *институциональным дискурсивным* практикам современного общества. Институциональный дискурс представляет собой речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом и с людьми, которые реализуют свои статусно-ролевые возможности в существующих общественных институтах [5, с. 245]. Поскольку юридический дискурс реализуется в коммуникативных общностях институционального типа (в частности, в органах законодательной, исполнительной и судебной власти), значение того или иного термина, в том числе для целей перевода, необходимо устанавливать с учётом особенностей его употребления в различных нормативных и ненормативных правовых актах и иных документах. Юридический дискурс функционирует как когнитивно-коммуникативная среда, где реализуются процессы смыслообразования и смыслонаделения, посредством которых устанавливаются и регулируются социальные отношения и полномочия между субъектами правового дискурса, государством, его институтами и гражданами.

Юридический дискурс, будучи по своей природе узко профессиональной средой общения, отличается *высокой степенью терминологичности*: для эффективного достижения целей общения

коммуниканты должны владеть специальной юридической терминологией и грамотно использовать её в различных контекстах, учитывать особенности её употребления в той или иной отрасли права или в конкретном нормативно-правовом акте. В этой связи следует отметить, что нормативно-правовые акты в целом и законы в частности являются не только составной частью, но и основой всего юридического дискурса. Поскольку вокруг норм права строится общение всех его коммуникантов, без анализа текстов нормативно-правовых актов невозможен анализ юридического дискурса.

В соответствии с основополагающей типологией юридического дискурса, которая носит юридический и юрислингвистический характер и предлагается в литературе для целей перевода, ключевыми разновидностями юридического дискурса являются законодательная (или нормативная), судебная и доктринальная [12, с. 185] дискурсивные практики. Судебному дискурсу свойственна перформативность, в то время как нормативный дискурс, исследуемый в настоящей статье, характеризуется высокой степенью *интертекстуальности*, которая предполагает возможность включать ссылки на другой текст, заимствуя его элементы, характеризующиеся конкретным содержанием и формальностью [9, с. 34]. В качестве «текстов-доноров» могут использоваться нормативно-правовые акты и материалы судебных заседаний [2, с. 57]. Данное свойство юридического дискурса может быть использовано, как будет показано далее, при переводе в условиях безэквивалентности термина.

Юридический термин как элемент дискурс-анализа и юридического перевода

Термин (от лат. *terminus* – граница, предел) – слово или словосочетание, которое обозначает понятие специальной области знания или деятельности и входит в лексическую систему языка посред-

ством конкретной терминологической системы¹. Юридический дискурс интегрирует самостоятельную, устоявшуюся терминологическую систему, лексическими единицами которой являются специальные юридические термины, которые должны быть понятны преимущественно профессионалам в области юриспруденции, что способствует сохранению смысловой определённости юридического дискурса. Для того чтобы выполнять свои функции в качестве лексической единицы, юридические термины, как и другие виды терминов, обладают следующими свойствами: системность, независимость от контекста, смысловая точность, международность и стилистическая нейтральность [6, с. 235].

Юридический термин – это элементарная единица юридического текста как составной части юридического дискурса. Следовательно, юридический термин – это единица анализа любого типа юридического дискурса, не только нормативного, поскольку все разновидности юридического дискурса так или иначе основываются на нормативно-правовых актах. Именно с исследования нормативного употребления юридических терминов должен начинаться юридический перевод как необходимый этап анализа иностранного юридического дискурса.

Кроме того, следует учитывать, что, несмотря на относительную стабильность семантики юридического термина, обусловленную указанными выше характеристиками, термин в полной мере сохраняет значение исключительно в собственной терминологической области, и смена дискурса, в частности, перемещение термина посредством перевода в дискурс иностранного языка или в иную дискурсивную практику, например, в медийную, зачастую приводит к искажению смысла. Ввиду этого для целей лингвопрагматического анализа юридический

¹ См.: Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 508.

дискурс рассматривается как среда, институциональный контекст использования того или иного термина, в котором следует его изучать и анализировать для того, чтобы понять сущность обозначаемого им правового явления и чтобы преодолеть трудности, возникающие в процессе перевода.

Трудности перевода некоторых испанских юридических терминов (на примере отрасли наследственного права) в нормативном дискурсе

Sucesión

Термин *sucesión* в Словаре испанского юридического языка Королевской академии испанского языка определяется исключительно как акт преемства одного лица другому лицу в его правах и обязанностях (*acto de suceder una persona a otra en sus derechos y obligaciones*)¹ и, следовательно, переводится прежде всего как «наследование» (или, используя доктринальный термин, «наследственное преемство» [10, с. 40]).

Однако если существительное используется во множественном числе, возможны иные варианты перевода. Так, заголовок раздела III, открывающего блок норм Гражданского кодекса (ГК) Испании² о наследовании – *Título III «De las sucesiones»*, с учётом аналогии содержания статей 658 ГК Испании и ст. 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)³ (см. табл. 1), следует переводить «Об основаниях наследования», поскольку существительное «наследование» в рус-

ском юридическом дискурсе, в отличие от испанского, не используется во множественном числе.

Строгость нормативного типа юридического дискурса диктует необходимость учитывать стилистические особенности нормы, применительно к которой употребляется термин. Так, коллизионные нормы (нормы международного частного права), указывающие, право какого государства применимо к отношениям по наследованию, осложнённым иностранным элементом, относятся к особому виду норм права и оперируют специальной терминологией. В этой связи при переводе словосочетания *la sucesión por causa de muerte*, которое содержится в ст. 9 главы IV «Нормы международного частного права» Вводного раздела ГК Испании, следует обратиться к соответствующей статье раздела VI ГК РФ «Международное частное право» – ст. 1224, содержащей термин «отношения по наследованию» (см. табл. 1).

С учётом моносемичности термина *sucesión* словосочетание *apertura de la sucesión* можно рассматривать в качестве самостоятельного термина, переводимого на русский язык как «открытие наследства» (см. ст. 1113 ГК РФ). В этом словосочетании испанский термин более точен, поскольку семантически отражает начало процедуры правопреемства в силу наследования, в то время как в русском эквиваленте при буквальном толковании открывается не процесс, а имущество.

Особую трудность для перевода представляет терминологическое сочетание *derechos a la sucesión*, означающее права, которые переходят с момента смерти лица его наследникам (ст. 657 ГК Испании). Выдвигая в качестве гипотезы возможность буквального перевода термина, следует учитывать, что в русском дискурсе право наследования означает право получения в наследство от наследодателя имущественных прав и обязанностей [7, с. 49], которое возникает у наследников в момент смерти наследодателя. В ГК РФ содержится термин «право наследовать»

¹ См.: Definición de sucesión [Электронный ресурс] // Diccionario panhispánico del español jurídico: [сайт]. URL: <https://dpej.rae.es/lema/sucesi%C3%B3n> (дата обращения: 27.07.2023).

² Real Decreto de 24 de julio de 1889 por el que se publica el Código Civil [Электронный ресурс] // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado: [сайт]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1889-4763> (дата обращения: 27.07.2023).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 27.07.2023).

Таблица 1 / Table 1

Варианты перевода на русский язык термина *sucesión* / Variants of translation into Russian of the term *sucesión*

Перевод термина	Использование термина в ГК Испании	Использование термина в ГК РФ
наследование / основание наследования	<i>Título III «De las sucesiones»</i> – Раздел III «Об основаниях наследования» <i>La sucesión se defiende por la voluntad del hombre manifestada en testamento y, a falta de éste, por disposición de la ley. (art. 658, párr. 1º) – Наследование</i> осуществляется в соответствии с волей, выраженной в завещании, а в отсутствие такового – по закону. (абз. первый ст. 658)	Наследование осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону. (абз. первый ст. 1111. Основания наследования)
отношения по наследованию	<i>La sucesión por causa de muerte se regirá por la Ley nacional del causante en el momento de su fallecimiento ... (art. 9, apdo. 8) – Отношения по наследованию</i> определяются по праву страны, гражданство которой имел наследодатель на момент смерти ... (п. 8 ст. 9)	Отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства ... (п. 1 ст. 1224)
наследство	<i>La decisión de pago ... no producirá efectos si no se comunica a los perceptores en el plazo de un año desde la apertura de la sucesión. (art. 844, párr. 1º) – Решение о выплате ... не будет иметь юридическую силу, если о нём не сообщено получателям в срок, не превышающий один год со дня открытия наследства.</i> (абз. первый ст. 844)	Наследство открывается со смертью гражданина. (ст. 1113. Открытие наследства)

(абз. первый п. 1 ст. 1161 ГК РФ), а при упоминании перехода имущества указываются субъекты (п. 1 ст. 1110 ГК РФ). С учётом изложенного адекватными вариантами перевода ст. 657 ГК Испании представляются следующие: *Los derechos a la sucesión de una persona se transmiten desde el momento de su muerte* – Право наследовать имущество лица / Право наследования имущества лица возникает с момента его смерти; Права в отношении наследственного имущества лица переходят к наследникам с момента его смерти.

Herencia

Термин *herencia* следует переводить как «наследство», «наследственное имущество», «имущество умершего» (данные термины используются в качестве полных синонимов в п. 1 ст. 1110 ГК РФ) или упо-

треблять устоявшийся доктринальный термин «наследственная масса» [7, с. 55], что подтверждается посредством сопоставления статей 659 ГК Испании и 1112 ГК РФ (см. табл. 2). Именно в таком значении термин используется в словосочетаниях «принятие наследства» – *aceptación de la herencia* и «отказ от наследства» – *repudiación de la herencia* (ст. 988 ГК Испании). В этом контексте словосочетание *aceptar la sucesión* (ст. 863 ГК Испании) следует рассматривать в качестве метонимического употребления термина *sucesión*: «наследование» вместо «наследства».

В некоторых доктринальных источниках встречаются иные варианты перевода терминов *herencia* и *sucesión* и даже их противопоставление как означающих, соответственно, «наследование по завещанию» и «наследование по закону

(правопреемство)» [11, с. 43–44]. С данным подходом трудно согласиться, поскольку из ст. 658 ГК Испании, рассмотренной выше в связи с установлением значения термина *sucesión*, следует, что данный термин применяется как к наследованию по закону (*sucesión legítima*), так и к наследованию по завещанию (*sucesión testamentaria*), и в любом случае предполагает правопреемство – переход прав и обязанностей от наследодателя к его наследникам. Термин *herencia* действительно может переводиться как «наследование» в составе оборота *llamado a la herencia* – «призванный к наследованию», что обусловлено исключительно традицией его употребления в русскоязычном юридическом дискурсе.

Перевод термина *herencia* как «право наследования»¹ представляется дискуссионным. В п. 1 ст. 33 Конституции Испании² признаётся *derecho a la herencia* – «право наследования» (аналогично ч. 4 ст. 35 Конституции РФ³); следовательно, *herencia* не имплицитно право, иначе имела бы место тавтология.

Особый интерес для перевода представляют статья ГК Испании, в которой термин *herencia*, используемый в словосочетаниях *llamado a la herencia* и *repudiar [la herencia]*, переводится в одном предложении как «наследство» и как «наследование», следуя лексическим особенностям русского юридического дискурса (см. табл. 2).

Colación^{sust}, *colacionar*^{vt}, *colacionable*^{adj}

Наибольшие трудности при переводе вызывают безэквивалентные термины, обозначающие понятия или явления, отсутствующие в российском правовом дискурсе. При наличии легальной дефиниции перевод может осуществляться посредством описания, отражающего характерные признаки концепта-термина, указанные в дефинитивной норме. Однако в её отсутствие для установления объёма и содержания понятия и выбора адекватного варианта перевода требуется применение логического способа толкования нормы права, предполагающего изучение логической связи между положениями нормы права или акта по правилам логики и анализ не слов, а соотношения понятий и явлений, которые они обозначают⁴.

Так, для перевода термина *colación* необходимо следовать логическому алгоритму, включающему следующие действия:

1. Определить, в каких статьях ГК Испании регулируется данное правовое явление: глава IV, статьи 1035–1050.

2. Проанализировать первую статью, с которой начинается указанная глава. В ст. 1035 отсутствует искомый термин и однокоренные ему лексемы, однако содержится описание некой юридической обязанности: *El heredero forzoso que concurra, con otros que también lo sean, a una sucesión deberá traer a la masa hereditaria los bienes o valores que hubiese recibido del causante de la herencia, en vida de éste, por dote, donación u otro título lucrativo, para computarlo en la regulación de las legítimas y en la cuenta de partición.* – Обязательный наследник, участвующий в наследовании наряду с другими обязательными наследниками, обязан внести в наследственную массу имущество, которое он получил от наследодателя при жизни в виде приданного, дарения или на иной безвозмездной

¹ См.: Испанский язык для юристов: учебник / отв. ред. О. Н. Лобанова; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 317.

² Constitución Española, 1978 (Última actualización publicada el 27/09/2011) [Электронный ресурс] // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado: [сайт]. URL: [https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/\(1\)/con](https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/(1)/con) (дата обращения: 27.07.2023).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.07.2023).

⁴ См.: Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник; 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2014. С. 339.

Таблица 2 / Table 2

Варианты перевода на русский язык термина *herencia* / Variants of translation into Russian of the term *herencia*

Перевод термина	Использование термина в ГК Испании	Использование термина в ГК РФ
наследство	<i>La herencia comprende todos los bienes, derechos y obligaciones de una persona que no se extingan por su muerte. (art. 659) – Наследство</i> включает в себя все имущество, права и обязанности лица, которые не прекращаются его смертью. (ст. 659)	В состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности ... (абз. первый ст. 1112)
наследование	<i>El que es llamado a una misma herencia por testamento y ab intestato y la repudia por el primer título, se entiende haberla repudiado por los dos. (art. 1009, párr. 1º) – Тот, кто призывается к наследованию</i> одновременно по закону и по завещанию и отказывается от наследства по первому основанию, считается отказавшимся от него по обоим основаниям. (абз. первый ст. 1009)	При призвании наследника к наследованию одновременно по нескольким основаниям (по завещанию и по закону ...) наследник может принять наследство , причитающееся ему по одному из этих оснований, по нескольким из них или по всем основаниям. (абз. второй п. 2 ст. 1152)

основе, для их учёта при определении обязательной доли и разделе наследственной массы.

3. Установить, что в следующей за ней ст. 1036 регулируются случаи, когда обязанность, впервые в тексте главы обозначенная термином *colación*, **не** применяется, и заключить, что дефиниция была представлена выше.

4. Вновь обратиться к ст. 1035, в которой содержится дефиниция искомого термина, и на её основе сформулировать определение: *colación* – обязанность возврата (включения) в наследственную массу имущества, полученного при жизни от наследодателя на безвозмездной основе, возлагаемая на наследников, имеющих право на обязательную долю в наследстве, с целью учёта указанного имущества при разделе наследственной массы.

5. Проанализировать схожие юридические обязанности, предусмотренные в наследственном праве России, на предмет возможности заимствования терминологии. Так, в соответствии с п. 3 ст. 1117 ГК РФ лицо, не имеющее права наследовать

или отстранённое от наследования в качестве недостойного наследника, обязано возвратить всё имущество, неосновательно полученное им из состава наследства. Возврат имущества осуществляется и при недействительности завещания, когда наследник, уже получивший часть наследственного имущества по завещанию, лишается права на него и возвращает его в наследственную массу, которая распределяется между другими лицами. Поскольку юридическая обязанность возврата имущества в наследственную массу в праве России имеет совершенно иную природу и иные правовые последствия, сокращённый перевод термина *colación* может ввести в заблуждение российского юриста;

6. Сформулировать перевод термина *colación*, который будет носить описательный характер (см. табл. 3).

Отметим, что глагол *colacionar* зачастую используется в словосочетании *colacionar en la herencia*, что в значительной степени упрощает перевод. Прилагательное *colacionable*, с учётом значения

Таблица 3 / Table 3

Варианты перевода на русский язык терминов *colación, colacionar, colacionable* /
Variants of translation into Russian of the terms *colación, colacionar, colacionable*

Термин на испанском языке	Использование термина в ГК Испании	Предлагаемый вариант перевода термина на русский язык
colación	<i>La colación no tendrá lugar entre los herederos forzosos ... (art. 1036)</i>	Включение в наследственную массу стоимости имущества, полученного на безвозмездной основе от наследодателя при его жизни , не производится между обязательными наследниками ... (ст. 1036)
colacionar	<i>Los padres no estarán obligados a colacionar en la herencia de sus ascendientes lo donado por éstos a sus hijos. (art. 1039)</i>	Родители не обязаны возвращать в наследственную массу своих родственников по восходящей линии стоимость того, что было подарено ими их детям. (ст. 1039)
colacionable	<i>Al valor líquido de los bienes hereditarios se agregará el de las donaciones colacionables. (art. 818, párr. 2º)</i>	В стоимость наследственного имущества после погашения долгов наследодателя включается стоимость дарений, полученных обязательными наследниками от наследодателя при его жизни на безвозмездной основе, при соблюдении условий, установленных законом. (абз. второй ст. 818)

суффикса *-able*, означающего «пассивную возможность, т. е. способность или возможность выступать объектом действия, выраженного глаголом»¹, может переводиться как «подлежащий включению / включаемый / который включается в наследственную массу при соблюдении условий, установленных законом».

Перевод «возврат наследником ранее полученного от наследодателя имущества для включения его в наследственную массу»², «возвращать ранее полученное имущество для включения в наследственную массу»³ может быть рекомендован в

качестве сокращённого варианта, предлагаемого расширенной версией при первом упоминании термина.

Mejora_{sust}, mejorar_{vt}

В соответствии со ст. 808 ГК Испании при наличии детей наследодатель вправе распорядиться на случай смерти лишь 1/3 имущества; 1/3 императивно распределяется между детьми поровну (*legítima estricta* – «обязательная доля в строгом смысле»), а оставшуюся 1/3 (*mejora* – досл. «улучшение») наследодатель распределяет исключительно между детьми, но по собственному усмотрению. Соответственно, действие по распоряжению указанной 1/3 доли обозначается термином *mejorar* (досл. «улучшать»).

В российском наследственном праве обязательная доля не имеет составных частей, следовательно, речь идёт о безэквивалентном термине. В доктринальных источниках предлагается, в частности,

¹ См.: -ble. Definición [Электронный ресурс] // REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: Diccionario de la lengua española: [сайт]. URL: <https://dle.rae.es/-ble> (дата обращения: 27.07.2023).

² См.: Скурихин А. П. Испанско-русский юридический словарь; 2-е изд., стер. М.: Просвещение, 2021. С. 99.

³ См.: Швыркова Л. Л., Гальегос-Росильо Х. А., Феликс Фернандес Л. Испанско-русский юридический и экономический словарь = Diccionario jurídico y económico español-ruso / под ред. Л. Л. Швырковой и А. А. Клишаса. М.: Норма, 2015. С. 116.

описательный перевод, отражающий деление наследственного имущества на три части, при этом *mejora* определена как «вторая обязательная часть наследства, которая учитывает волю наследодателя» [1, с. 31]. В другом источнике однокоренной термин *mejorado* в словосочетании *legitimario mejorado* ошибочно переводится как «лучший обязательный наследник» или «лучший наследник» [8, с. 119]. Встречаются и другие переводы, искажающие семантику термина: «дополнительное наследство»¹ (в словосочетании *mejora hereditaria*); «приращение наследственных долей»² (данный термин в российском законодательстве означает увеличение доли любого наследника, призываемого к наследованию, однако не по воле наследодателя, а за счёт доли дру-

гого наследника, который не принял наследство, отказался от него, отстранён от наследования и др. – см. ст. 1161 ГК РФ).

В качестве одного из вариантов решения проблемы передачи смысла без его искажения предлагается включение в текст перевода сноски, в которой разъяснено, что *mejora* предполагает улучшение имущественного положения одних детей по отношению к другим по воле родителя³.

При переводе текста закона предлагается осуществлять описательный перевод или, используя свойство интертекстуальности юридического дискурса, интегрировать в текст соответствующей статьи ссылку на ст. 823 ГК Испании, где раскрыто право родителя распределить 1/3 наследства между детьми по своему усмотрению (см. табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Варианты перевода на русский язык терминов *mejora*, *mejorar* / Variants of translation into Russian of the terms *mejora*, *mejorar*

Термин на испанском языке	Использование термина в ГК Испании	Предлагаемый вариант перевода термина на русский язык
mejora	<i>El padre o la madre podrán disponer en concepto de mejora a favor de alguno o algunos de sus hijos ... de una de las dos terceras partes destinadas a legítima. (art. 823)</i>	Отец или мать вправе распорядиться по своему усмотрению в пользу одного или нескольких своих детей ... одной из двух третей наследственной массы, составляющих обязательную долю. (ст. 823)
mejorar	<i>La facultad de mejorar no puede encomendarse a otro. (art. 830)</i>	Вариант 1. Право распоряжаться по своему усмотрению одной из двух третей наследственной массы, составляющих обязательную долю, в пользу одного или нескольких своих детей не может передаваться иному лицу. (ст. 830) Вариант 2. Право, указанное в статье 823 , не может передаваться иному лицу. (ст. 830)

¹ См.: Испанско-русский юридический словарь / под ред. Е. Р. Шубиной. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 285.

² См.: Швыркова Л. Л., Гальегос-Росильо Х. А., Феликс Фернандес Л. Испанско-русский юридический и экономический словарь = Diccionario jurídico y económico español-ruso / под ред. Л. Л. Швырковой и А. А. Клишаса. М.: Норма, 2015. С. 393.

³ См.: Вершинина Е. В., Фокина А. Д. Модели приобретения наследства в праве зарубежных государств // Гражданское и торговое право зарубежных государств: учебник: в 2 т. / отв. ред. проф. А. С. Комаров и др. Т. 2: Особенная часть. М.: Статут, 2020. С. 812.

Заключение

Трудности, возникающие при переводе ряда юридических терминов с испанского языка на русский, связаны с полисемией, синонимией, а иногда и безэквивалентностью испанских юридических терминов. В этой связи в каждом случае требуется проведение юридико-лингвистического анализа, который подразумевает сопоставление текстов нормативно-правовых актов и установление традиции использования термина в российском и испанском законодательстве, составляющем основу нормативного типа юридического дискурса. Преодоление трудностей юридического перевода, исследованных и проиллюстрированных примерами в статье, невозможно без обращения к семантике и прагматике юридического дискурса, без анализа особенностей использования терминологии в контексте. Достижение правильности понимания и адекватности перевода юридического термина является необходимым этапом исследования иностранного юридического дискурса.

Юридический перевод представляет собой сложный когнитивный процесс, требующий наличия у переводчика как познаний в соответствующей сфере юриспруденции, так и надлежащей языковой компетенции. Анализ юридического дискурса и используемых в нём профессиональных терминов – одновременный, взаимообуславливающий и двусторонне направленный когнитивный процесс: с одной стороны, юридический дискурс того или иного государства национально-специфичен и детерминирует значение конкретного юридического термина, поэтому должен являться предметом предварительного анализа при осуществлении перевода. С другой стороны, качественный перевод юридических терминов, осуществляемый с применением дискурс-анализа, служит фундаментом адекватного восприятия юридического дискурса иностранного государства специалистами, не владеющими иностранным языком, что обуславливает эффективное достижение целей сравнительного правоведения.

Дата поступления в редакцию 01.08.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегичев А. В., Стрельченко Д. А. Характерные особенности наследственного права королевства Испания // Наследственное право. 2019. № 1. С. 28–31.
2. Богатырев А. В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016. 168 с.
3. Гамзатов М. Г. Юридический перевод: лингвистика, юриспруденция, переводоведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 219 с.
4. Иовенко В. А. Теоретический курс перевода. Испанский язык: учебник. М.: ЧеРо, 2005. 132 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389 с.
6. Корниевская Т. К. Термин как объект исследования в лингвистике // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5–1. С. 234–237.
7. Крашенинников П. В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания); 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 302 с.
8. Медведев С. Н. Введение в гражданское право Испании: монография. Ставрополь: АГРУС, 2017. 138 с.
9. Новикова Е. Р. Поляков О. Г., Хаусманн-Ушкова Н. В. Юридический дискурс как предмет изучения и преподавания на занятиях по иностранному языку специальности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 189. С. 31–38. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-189-31-38.
10. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву; 2-е изд., испр. М.: Статут, 2003. 558 с.

11. Трофимец И. А. Наследственные права пережившего супруга (вдовы, вдовца) по законодательству Испании // *Наследственное право*. 2020. № 1. С. 43–47. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-189-31-38.
12. Шлепнев Д. Н. Юридический дискурс с точки зрения переводчика: рабочая переводческая типология // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 2-1 (80). С. 185–188.

REFERENCES

1. Begichev A. V., Strelchenko D. A. [Characteristic peculiarities of inheritance law of the Kingdom of Spain]. In: *Nasledstvennoye pravo* [Inheritance Law], 2019, no. 1, pp. 28–31.
2. Bogatyrev A. V. *Funktsionirovaniye figur interteksta v sovremennom yuridicheskom diskurse: diss. ... kand. filol. nauk* [Functioning of intertext figures in modern legal discourse: PhD thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2016. 168 p.
3. Gamzatov M. G. *Yuridicheskiy perevod: lingvistika, yurisprudentsiya, perevodovedeniye* [Legal translation: linguistics, jurisprudence, translation studies]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2018. 219 p.
4. Iovenko V. A. *Teoreticheskiy kurs perevoda. Ispanskiy yazyk* [Theoretical course of translation. Spanish]. Moscow, CheRo Publ., 2005. 132 p.
5. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, GNOZIS Publ., 2004. 389 p.
6. Kornievskaya T. K. [The term as an object of research in linguistics]. In: *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl* [Historical and social educational ideas], 2015, vol. 7, no. 5–1, pp. 234–237.
7. Krashenninikov P. V. *Nasledstvennoye pravo (vkluyuchaya nasledstvennyye fondy, nasledstvennyye dogovory i sovmestnyye zaveshchaniya)* [Inheritance law (including inheritance funds, inheritance agreements and joint wills)]. Moscow, Statut Publ., 2019. 302 p.
8. Medvedev S. N. *Vvedeniye v grazhdanskoye pravo Ispanii* [Introduction to civil law of Spain]. Stavropol, AGRUS Publ., 2017. 138 p.
9. Novikova E. R., Polyakov O. G., Hausmann-Ushkova N. V. [Legal discourse as a subject of study and teaching in the classroom in a foreign language specialty]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2020, vol. 25, no. 189, pp. 31–38. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-189-31-38.
10. Serebrovskiy V. I. *Izbrannyye trudy po nasledstvennomu i strakhovomu pravu* [Selected works on inheritance and insurance law]. Moscow, Statut Publ., 2003. 558 p.
11. Trofimets I. A. [Inheritance rights of the surviving spouse (widow, widower) under Spanish laws]. In: *Nasledstvennoye pravo* [Inheritance Law], 2020, no. 1, pp. 43–47. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-189-31-38.
12. Shlepnev D. N. [Legal discourse from the point of view of the interpreter: working translation typology]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2018, no. 2-1 (80), pp. 185–188.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ларионова Марина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
e-mail: larioнова.m@list.ru;

Фокина Александра Дмитриевна – преподаватель кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
e-mail: alexandra-fokina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Larionova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: larionova.m@list.ru;

Aleksandra D. Fokina – Lecturer, Department of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: alexandra-fokina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ларионова М. В., Фокина А. Д. Трудности перевода терминологии в контексте анализа нормативного типа испанского юридического дискурса // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 40–52.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-40-52

FOR CITATION

Larionova M. V., Fokina A. D. Difficulties of terminology translation in the context of analyzing the normative type of Spanish legal discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 6, pp. 40–52.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-40-52